

СВОБОДА СОВЕСТИ И УБЕЖДЕНИЙ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

№ 2

2013

РЕЛИГИЯ И ПРАВО

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 2⁽⁶⁵⁾

2013

РЕЛИГИЯ И ПРАВО

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Главный редактор

Анатолий Пчелинцев, д.ю.н.,
профессор РГГУ, адвокат.

Ответственный редактор

Геннадий Савин, к. филол. наук.

Редакционная коллегия:

Анатолий Красиков,
д.и.н., профессор, руководитель Центра
по изучению проблем религии и общества
Института Европы РАН.

Михаил Шахов,
д.ф.н., профессор Российской академии
государственной службы
при Президенте РФ.

Михаил Одинцов,
д.и.н., профессор, начальник Отдела
по защите свободы совести Аппарата
Уполномоченного по правам человека
в РФ, президент Российской ассоциации
религиоведов.

Ремир Лопаткин,
к.ф.н., профессор Российской академии
государственной службы при Президенте
РФ, председатель Исследовательского
комитета социологии религии Российского
общества социологов.

Сергей Филатов,
к.и.н., руководитель проекта
«Энциклопедия современной религиозной
жизни России», старший научный
сотрудник Института востоковедения РАН.

Игорь Подберезский,
д.ф.н., ведущий научный сотрудник
Института мировой экономики
и международных отношений РАН.

Владимир Ряховский,
адвокат, член Совета при Президенте РФ
по развитию гражданского общества и
правам человека.

Лев Симкин,
д.ю.н., профессор, адвокат.

Михаил Краснов,
доктор юридических наук, профессор
Высшей школы экономики.

В номере:

Историко-правовой опыт

Анатолий Пчелинцев

Роль военного духовенства в духовно-нравственном
воспитании военнослужащих: исторический опыт 3

Виктор Андрощук

Преступления против религии и проблема реализации
свободы совести в российском законодательстве начала
XX века 7

Борис Осипян

Соборное Уложение 1649 года как закон «равной
расправы и суда» 12

Правовое пространство

Айдар Султанов

К вопросу о признании религиозных материалов
экстремистскими по средствам экспертиз 19

Андрей Себенцов

Товарные знаки и религиозные организации 25

Инна Загребина

Государственная религиоведческая экспертиза: цели и задачи 30

Правовое пространство

Преступления против религии и проблема реализации свободы совести в российском законодательстве начала XX в.¹³

Виктор Андрощук,

преподаватель кафедры теории права и сравнительного правоведения Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), участник Научно-учебной группы по изучению институционализации прав человека в России Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)

В сентябре 2012 г. для рассмотрения в Госдуме РФ был предложен законопроект об ужесточении ответственности за оскорбление чувств верующих и внесении соответствующих поправок в УК и КоАП РФ. Данный законопроект стал следствием роста числа посягательств, объектами которых становятся религиозные организации и их последователи. Нередки стали покушения на жизнь представителей духовенства, случаи применения насилия в отношении верующих. Неизвестными разрушаются надгробные кресты, повреждаются и подвергаются вандализму культовые здания. Во время богослужений совершаются кощунственные хулиганские акции. Перечисленные деяния ставят под угрозу многовековые духовно-нравственные основы и традиционные ценности российского общества, что, по мнению законодателя, служит объективной необходимостью для внесения изменений в действующее законодательство.

Следует отметить, что данный законопроект получил неоднозначную оценку в обществе. Российская Федерация является светским государством, поэтому противодействие преступлениям, направленным против церкви, религии и чувств верующих, должно осуществляться в рамках существующего законодательства. В противном случае, религия может постепенно стать особым субъектом российского права, а верующие будут выделены в отдельную группу, обособленную от атеистов. Однако в многовековой истории российского государства имеются примеры, когда в светском законодательстве присутствовали не только отдельные нормы, но и целые разделы, посвященные преступлениям против религии и церкви. В настоящей работе рассмотрим их структуру и место

в Уголовном уложении 1903 г., хронологически последнем кодексе Российской империи.

Глава «О нарушении ограждающих веру постановлений» открывала особенную часть Уложения 1903 г. и занимала значимое место в его структуре. Осознавая важность противодействия религиозной преступности, законодатель пошел на то, чтобы Глава была введена в действие, не дожидаясь вступления в силу утвержденного 22 марта 1903 г. Уголовного уложения¹⁴ в полном его объеме, Высочайше утвержденным мнением Государственного Совета от 14 марта 1906 г.¹⁵

Как показала правоприменительная практика, раздел о религиозных преступлениях Уголовного уложения 1903 г. существенно отличался от сохраненных в силе частей «старого» Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. не только системой и способом изложения, но и принципами, по которым определялась преступность и наказуемость уголовных правонарушений. Общие положения, конструкции отдельных преступных деяний и степень наказания виновного в этих кодексах существенно различались. Высказывались опасения, что введение в действие в полном объеме главы второй Уголовного уложения 1903 г. осложнит её практическое применение судами. Предусмотренные в главе деяния были подведомственны не только общим судам, но и мировым судебным установлениям, земским участковым начальникам и волостным судам. По этой причине в Соединённых департаментах Государственного Совета было принято решение не подчинять компетенции мировых судей дела о религиозных преступлениях, считавшихся наиболее тяжкими. К ним относились некоторые виды богохульства, поношение или поругание священных предметов, принуждение к совершению богослужения или религиозного обряда и совращение лицом нехристианской веры другого нехристианина в свою веру. По мнению министра юстиции Н.В. Муравьёва, судьи общих судов были вполне подготовлены к решению всех недоразумений, связанных с одновременным действием двух уголовных уложений.¹⁶

При разработке главы о преступлениях против веры Редакционная комиссия Уголовного уложения 1903 г. на-

ходила в затруднительном выборе. Проблема заключалась в том, что доктрина уголовного права европейских государств на рубеже XIX — начала XX вв. не рассматривала большинство из посягательств, предусмотренных Уложением 1885 г., как уголовно-наказуемые и исключила их из уголовных кодексов. Однако российское уголовное право придерживалось диаметрально противоположного взгляда на природу религиозных преступлений. При разработке проекта «нового» Уголовного уложения существовала реальная возможность последовать примеру западноевропейских кодексов. Тем не менее, несмотря на передовые взгляды членов комиссии, известных ученых-правоведов Н.С. Таганцева, Н.А. Неклюдова, И.Я. Фойницкого и В.К. Случевского, отказаться полностью от положений Уложения 1885 г. не представлялось возможным. Уголовное уложение 1903 г. должно было соответствовать принципам других разделов российского законодательства, а его нормы не противоречить государственным и уголовным законам. Разработчики не могли игнорировать и то положение, которое занимала Православная церковь в России, а также нормы законодательства, относившиеся к свободе вероисповедания.¹⁷

Уложение 1903 г. содержало целый ряд отличий от прежнего уголовного законодательства в понимании религиозных преступлений. Так, произошёл отказ от канонического взгляда на природу религиозных преступлений: они стали рассматриваться как нарушения общественного характера. Из группы религиозных преступлений были исключены деяния, не затрагивавшие непосредственно саму религию. К ним относились: лжеприсяга; святотатство; повреждения священных и освящённых предметов.¹⁸ При разработке главы Уголовного уложения 1903 г. о религиозных преступлениях была сделана попытка избавиться от казуистики «старого» Уложения и дать определение преступным деяниям по их существенным признакам.¹⁹ По этой причине произошло значительное сокращение числа статей, посвящённых религиозным преступлениям — их осталось «всего» 26. Однако, по мнению известного русского юриста-криминалиста В.Н. Ширяева, данный факт указывал лишь на «более совершенную технику редакторов закона, сумевших втиснуть прежний объём в более узкую, более искусно обделанную форму».²⁰ Так, из «нового» Уложения целый ряд постановлений был исключён. Статьи, посвящённые отдельно христианским и нехристианским вероисповеданиям, были объединены. Тем самым, сохраняя прежние взгляды на религиозные преступления, Уголовное уложение 1903 г. уже содержало основы «иных начал, иных воззрений».²¹ К особенностям этой главы можно также отнести большую степень веротерпимости и существенное смягчение наказаний.

В целом, несмотря на предпринятые усилия, глава о преступлениях против веры, по мнению ученых-правоведов, стала наиболее несовершенным и «отставшим» разделом Уложения 1903 г.²² Русский криминалист И.Я. Фойницкий отмечал, что этой главе были присущи «нетерпимость, контроль над совестью и суровые наказания».²³

В Уголовном уложении 1903 г. произошло изменение юридической конструкции статей о преступлениях против религии. За основу было принято воззрение о том, что их сущность заключалась в посягательстве не на Божество и на веру, а на религию как совокупность догматов и установлений, в которых проявляется вера. Помимо оскорбления религиозных чувств отдельных лиц и групп народа, религиозные преступления, при недостаточной охране внешнего проявления религиозных верований, могли поколебать уважение к самой религии. В объяснительной записке к проекту Уголовного уложения 1903 г. указывалось, что религия являлась одним из тех устоев, на коих покоилась государственная и общественная жизнь. Охрана религии обуславливалась интересами самого государства.²⁴

Уложение 1903 г. к религиозным преступлениям отнесло следующие деяния: осмеяние Церкви и религиозных верований, богохульство; нарушение требований о погребении христиан и уважения к усопшим; принуждение или воспрепятствование выполнению религиозного действия; совращение в иную веру, проповедь некоторых лжеучений и принадлежность к вероучениям, признаваемым нетерпимыми в государстве; нарушение особых постановлений об ограждении православной веры от отвлечения православных в другие вероисповедания.²⁵ Вне данной классификации остались внесенные на завершающей стадии подготовки Уложения 1903 г. статьи о самовольном присвоении сана христианского священнослужителя и оскорблении или насилии в отношении православного священника.²⁶

После выхода Указа от 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости» ряд статей, предусмотренных проектом Уголовного уложения 1903 г., были отменены (о расколе), а другие подверглись значительным изменениям.²⁷ Однако сохранившиеся статьи по-прежнему придавали чрезвычайно большое значение охране религии в целом и, в особенности, — правового положения Православной церкви.

Далее рассмотрим сущность богохульства и кошуинства, которые получили наибольшее распространение в Российской империи конца XIX — начала XX вв. Под богохульством понималось надругательство над религией, а кошуинство выражалось в оказании неуважения вере. Различие в указанных деяниях основывалось на двух признаках: по религиозному значению объекта поругания,

а также на свойстве и степени проявления виновным неуважения к религии.²⁸ Богохульство рассматривалось в широком смысле как проявление неуважения к христианскому или иному признанному в России нехристианскому вероисповеданию. Оно могло быть выражено в оскорбительном отзыве или действии, направленном на имевший религиозное значение предмет.²⁹ Уголовное уложение 1903 г. ограждало от богохульства не отдельные христианские вероисповедания, а христианство в целом («поношение церкви православной и вообще веры христианской»). Однако первоначально под действие данных статей не попадали старообрядческие согласия и секты, что объяснялось характером статей: они имели «не общехристианский смысл, а охраняли лишь покровительствуемые христианские церкви».³⁰

По своей сути, богохульство, а также кощунство и бесчинство в церкви или молитвенном доме, представляли собой различные виды надругательства над предметами верования и религиозного почитания. Н.С. Тимашев относил указанные деликты к «посягательствам на религию, как охраняемую государством культурную силу». Религия была неприкосновенна, и активное проявление неуважения к ней «создавало бы видимость безразличного отношения государства к религии». При этом, Н.С. Тимашев считал богохульство и кощунство вариантами одного и того же основного состава. В узком смысле богохульство по своей сущности совпадало с оскорблением святых. Оно выражалось в богохульном (в общем смысле) действии в тяжкой форме, направленном на один из более важных объектов религиозного значения.³¹

Степень ответственности за богохульство зависела от условий и места его совершения. К наиболее тяжкому виду относилось богохульство в церкви или при отправлении общественного богослужения: виновный наказывался срочной каторгой (от 4 до 15 лет) или ссылкой на поселение. Наименее наказуемым считалось богохульство с целью «произвести соблазн» среди присутствовавших: оно влекло заключение в исправительном доме или в крепости до 3 лет. Совершение богохульства «по неразумию, невежеству или в состоянии опьянения» смягчали наказание до штрафа или ареста.³²

Уложение 1903 г. устанавливало ответственность за поношение признанного в России нехристианского вероисповедания, поругание действием или поношение предмета религиозного чествования этого вероисповедания. Субъектом преступления могло выступать как лицо, принадлежавшее к поруганному вероисповеданию, так и иноверец. После выхода Указа от 17 апреля 1905 г. действие статьи распространилось также на старообрядцев и сектантов-христиан.³³ При этом не ограждались от посягательств языческие учения, которые не исповедовались ни одним из проживавших в России народов, и изуверные

учения, принадлежность к которым была наказуема.³⁴

Объекты поклонения нехристианских вероисповеданий не ограждались от поношений по той причине, что христианские вероучения признавали «единосущную Троицу Бога», подразумевая под этим не монотеистического Бога, а догматическое понятие о нем — Бога Отца, Бога Сына и Бога Духа Святого. Нехристианским религиям было известно понятие единого Божества (Аллах у мусульман, Иегова в иудействе), богохульство которого не наказывалось.³⁵ Нехристианские вероисповедания находились под защитой лишь в том случае, когда посягательства против них совершались в молитвенном доме данного вероисповедания, в устной форме и только публично. Однако степень ответственности за посягательства против нехристианских вероисповеданий была значительно ниже: предусматривался арест сроком до 1 месяца или штраф до 100 рублей.³⁶

Объектами кощунства являлись церковные правила, обряды Православной церкви и христианства вообще, а также освященные предметы, которые использовались в богослужении, но не почитались как священные.³⁷ Кощунство проявлялось в неуважительном отношении и насмешке, и могло быть совершено как в устной, так и печатной форме.³⁸

Понятие непристойной насмешки включало в себя оскорбление, выраженное словами, в письменной форме или в изображении. Непристойное поведение, даже открыто проявлявшее неуважение к религии, но без выражения определённого мнения относительно одного из возможных объектов богохульства, квалифицировалось как бесчинство в церкви или при богослужении.³⁹ Насмешка не предполагала использование виновником особых ругательных слов. Достаточно, чтобы по своей сути она была неприличной, оскорбительной. Например, таковой Московским окружным судом были признаны действия личного почётного гражданина В. Иванова. В здании Ярославского вокзала он, находясь в состоянии опьянения, в присутствии других пассажиров закурил папиросу от горевшей перед иконой свечки.⁴⁰

Виды и степень ответственности за кощунство были аналогичны тем, что устанавливались за богохульство. Наличие умысла в действиях было обязательно: виновный должен был осознавать факт того, что он совершал свои действия с целью выразить неуважение или безразличие к вере. Наиболее тяжкое наказание предусматривалось за кощунство, совершённое во время общественного богослужения или в церкви — тюремное заключение на срок от 6 месяцев. Аналогичное деяние, совершённое в христианском молитвенном доме (в том числе — часовнях и ризницах), а также выраженное в распространении или публичной демонстрации произведений печати, письма или изображений, каралось тюремным заключе-

нием без указания срока. Кошунство, совершённое с целью соблазна присутствующих, влекло за собой тюремное заключение на срок до 6 месяцев. При наличии смягчающих вину обстоятельств («неразумие, невежество или состояние опьянения»), виновный подвергался аресту на срок до 3 месяцев.⁴¹

Бесчинство в церкви или молитвенном доме, по сути, являлось отдельным видом кошунства, поскольку совершалось в большинстве случаев во время богослужения и молитвословия и становилось причиной нарушения их хода или даже остановки. Объектами преступления выступали религия и общественный порядок. Под бесчинством понимались поступки, не соответствовавшие атмосфере церкви и молитвенного дома и содержавшие элемент непочтения к религии, например, непристойный крик, шум и прочее.⁴²

После выхода Указа от 17 апреля 1905 г. законодательную защиту получили также богослужения старообрядцев и христианских сект. Однако на практике в подобных случаях чаще применялись положения Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. Молитвенные дома сектантов приравнивались к публичным местам, за нарушение порядка в которых предусматривались более мягкие наказания — арест или денежное взыскание.⁴³

Ряд уголовных составов, ранее относившихся к религиозным преступлениям, в Уложении 1903 г. были перенесены в другие разделы. Так, лжеприсяга стала относиться к разряду преступлений, противодействующих правосудию. При этом, подтверждение своих свидетельских показаний присягой («ссылкой на имя Божие») служило обстоятельством, существенно увеличивающим ответственность за сообщение ложных сведений.⁴⁴ Святотатство рассматривалось в главе о воровстве. В случае, если хищение предмета религиозного культа сопровождалось надругательством или непристойным поведением, виновный подвергался тягчайшему из предусмотренных за эти преступления наказаний. Из числа религиозных посягательств исключались случаи повреждения предметов как освящённых употреблением при богослужении, так и священных, если в намерениях и действиях виновного не содержались признаки надругательства над святыней или кошунственного к ней отношения.⁴⁵

Из Уголовного уложения 1903 г. были полностью исключены статьи о нарушении церковных правил. К ним относились следующие деяния: неисполнение новообращенными в православную веру уставов церкви, уклонение православных от исповеди и причастия, непривод детей к исповеди, нарушение благочиния в церквях священнослужителями и причетниками.⁴⁶

Уголовное уложение 1903 г. сохранило прежний взгляд на раскол, практически повторило соответствующие постановления предыдущего уголовного кодекса и ввело новый вид ответственности за публичное вовлечение в раскол. Статья носила бланкетный характер, поскольку не указывала кон-

кретных действий со стороны старообрядцев, которые могли быть признаны вовлечением в раскол. Их перечень приводился в примечании к ст. 59 Устава о предупреждении и пресечении преступлений.⁴⁷

Таким образом, в начале XX в. российское уголовное законодательство о религиозных преступлениях претерпело ряд поэтапных изменений: некоторые положения были либерализованы, а населению в большей мере была предоставлена религиозная свобода. Религия признавалась одним из важнейших устоев государства. Преступления против религии приравнивались по своей значимости к преступлениям против самодержавной власти. Этим объясняется тот факт, что в российском уголовном законодательстве охране религии и церкви было уделено значительно большее внимание, чем в законодательствах западных стран того времени. Тем не менее, при разработке Уголовного уложения 1903 г. система религиозных преступлений оказалась под влиянием достижений европейской уголовно-правовой науки, а также объективных процессов социально-экономического развития России. В результате произошёл отказ законодателя от канонической концепции в понимании объекта религиозных деяний, что позволило значительно сократить перечень составов религиозных преступлений. Однако Православная церковь по-прежнему занимала значимое положение в российском обществе и активно сопротивлялась расширению веротерпимости к другим религиям. Особая связь между Православием и российским самодержавием означала, что все попытки изменения правового статуса неправославных религий рассматривались как покушение на основы Российского государства. По этой причине на рубеже XIX—XX вв. законодатель так и не удалось полностью отказаться от включения в Уголовное уложение 1903 г. специального раздела о религиозных преступлениях.

Пристатейный библиографический список

13 В данной научной работе использованы результаты, полученные в ходе выполнения проекта «Институционализация прав человека в условиях модернизации государства и правовой системы России в начале XX века», выполненного в рамках Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2013 г., грант № 13-05-0010.

14 Именной Высочайший указ, данный Сенату «Об утверждении Уголовного Уложения» от 22 марта 1903 г. // ПСЗ-3. Т. XXIII. 1903. Отделение I. СПб., 1905. Ст. 22703.

15 Высочайшее утвержденное мнение Государственного Совета «О согласовании некоторых постановлений уголовного законодательства с указом 17 апреля 1905 года об укреплении начал веротерпимости и о введении в действие второй главы нового Уголовного Уложения» от 14 марта 1906 года // ПСЗ-3.

- Т. XXVI. 1906. Отделение I. СПб., 1909. Ст. 27560.
- 16 Таганцев Н.С. Уголовное уложение 22 марта 1903 г. Глава II. СПб.: типография «Феникс», 1906. — С. 85-87.
- 17 Попов А.В. Суд и наказания за преступления против веры и нравственности по русскому праву. Казань: Типо-литография Императорского Университета, 1904. — С. 471—472.
- 18 Чернявский А. Религиозные преступления (из лекций Н.С. Таганцева). СПб., 1905. — С.8.
- 19 Всеподданнейший Доклад по проекту Уложения о наказаниях // Журнал Министерства юстиции. 1895. № 7. — С. 56—59.
- 20 Ширяев В.Н. Уголовно-правовая охрана религиозной свободы. СПб., 1907 // Журнал Министерства юстиции. 1907. № 4, Апрель. С. 24.
- 21 Ширков В.П. Религиозные преступления по новому уголовному уложению // Вестник права. 1903. Книга вторая — третья. — С. 204.
- 22 Кистяковский А.Ф. О преступлениях против веры // Наблюдатель. 1882. № 10. — С. 102.
- 23 Попов А.В. Суд и наказания за преступления против веры и нравственности по русскому праву. Казань: Типо-литография Императорского Университета, 1904. — С.455.
- 24 Уложение о наказаниях уголовных и исправительных / Законодательство первой половины XIX века // Российское законодательство X—XX веков. Т. 9. М.: Юридическая литература, 1994. — С. 325—326.
- 25 Уголовное уложение, Высочайше утвержденное 22 марта 1903 г. СПб.: Сенатская типография, 1903. — С. 16—21.
- 26 Тимашиев Н.С. Религиозные преступления по действующему русскому праву // Журнал Министерства юстиции. Пг., 1916. № 1. — С. 13.
- 27 Именной Высочайший указ, данный Сенату Указ «Об укреплении начал веротерпимости» от 17 апреля 1905 г. // ПСЗ—3. Т. XXV. 1905. Отделение I. СПб., 1908. Ст. 26125.
- 28 Евангулов Г.Г. Уголовное уложение, Высочайше утвержденное 22 марта 1903 г. СПб.: издание Юридического книжного склада «Право», 1903. — С. 55—56
- 29 Тимашиев Н.С. Религиозные преступления по действующему русскому праву // Журнал Министерства юстиции. Пг., 1916. № 1. — С. 20.
- 30 Познышев С.В. Религиозные преступления с точки зрения религиозной свободы. М.: Университетская типография, 1906.
- 31 Тимашиев Н.С. Религиозные преступления по действующему русскому праву // Журнал Министерства юстиции. Пг., 1916. № 1. — С. 1—52.; Чернявский А. Религиозные преступления (из лекций Н.С. Таганцева). СПб., 1905.; Ширяев В.Н. Уголовно-правовая охрана религиозной свободы. СПб., 1907 // Журнал Министерства юстиции. 1907. № 4, Апрель. — С. 45.
- 32 Таганцев Н.С. Уголовное уложение 22 марта 1903 г. Глава II. СПб.: типография «Феникс», 1906. — С. 1-3; Центральный исторический архив Москвы (ЦИАМ); Чернявский А. Религиозные преступления (из лекций Н.С. Таганцева). СПб., 1905.
- 33 Высочайше утвержденное положение Комитета Министров «Об укреплении начал веротерпимости» от 17 апреля 1905 г. // ПСЗ-3. Т. XXV. 1905. Отделение I. СПб., 1908. Ст. 26126.
- 34 Ширяев В.Н. Уголовно-правовая охрана религиозной свободы. СПб., 1907 // Журнал Министерства юстиции. 1907. № 4, Апрель. — С. 31; Тимашиев Н.С. Религиозные преступления по действующему русскому праву // Журнал Министерства юстиции. Пг., 1916. № 1. — С. 25.
- 35 Познышев С.В. Религиозные преступления с точки зрения религиозной свободы. М.: Университетская типография, 1906. — С. 232-233.
- 36 Уголовное уложение, Высочайше утвержденное 22 марта 1903 г. СПб.: Сенатская типография, 1903. — С. 17; Уголовное уложение, Высочайше утвержденное 22 марта 1903 г. СПб.: Сенатская типография, 1903. — С.16.
- 37 См. там же, 17.
- 38 Таганцев Н.С. Уголовное уложение 22 марта 1903 г. Глава II. СПб.: типография «Феникс», 1906. — С. 14-15; Попов А.В. Суд и наказания за преступления против веры и нравственности по русскому праву. Казань: Типо-литография Императорского Университета, 1904. — С.488.
- 39 Тимашиев Н.С. Религиозные преступления по действующему русскому праву // Журнал Министерства юстиции. Пг., 1916. № 1. — С.31-32.
- 40 Центральный исторический архив Москвы (ЦИАМ), Ф. 142. Оп. 1. Д. 725. Л. 4.
- 41 Уголовное уложение, Высочайше утвержденное 22 марта 1903 г. СПб.: Сенатская типография, 1903. — С. 16—17.
- 42 См. там же, С. 17.
- 43 Устав о наказаниях, налагаемых мировыми Судьями // Свод законов Российской Империи. Том XV. СПб.: издание товарищества «Общественная польза», 1900. — С. 180.
- 44 Уголовное уложение, Высочайше утвержденное 22 марта 1903 г. СПб.: Сенатская типография, 1903. — С. 36; Евангулов Г.Г. Уголовное уложение, Высочайше утвержденное 22 марта 1903 г. СПб.: издание Юридического книжного склада «Право», 1903. — С. 53—54.
- 45 Уголовное уложение, Высочайше утвержденное 22 марта 1903 г. СПб.: Сенатская типография, 1903. — С. 109—110, 118-119; Евангулов Г.Г. Уголовное уложение, Высочайше утвержденное 22 марта 1903 г. СПб.: издание Юридического книжного склада «Право», 1903. — С. 54.
- 46 Уложение о наказаниях уголовных и исправительных / Законодательство первой половины XIX века // Российское законодательство X—XX веков. Т. 9. М.: Юридическая литература, 1994. — С. 23-24.
- 47 Устав о предупреждении и пресечении преступлений. Дополненный и измененный по продолжениям 1863, 1864, 1868 и 1871 годов, с разъяснениями по Уложению о наказаниях, изд. 1866 г. и по уставу о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. СПб., 1872. — С. 76.